

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

О средне-азиатскихъ еврейхъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

Во время моей службы въ Средней Азии и путешествій по Персіи мнѣ неоднократно приходилось разговаривать съ туземными евреями на употребительномъ у нихъ персидскомъ языкѣ; не вдаваясь въ научное изслѣдованіе ихъ прошлаго и современнаго быта, я постараюсь дать читателямъ лишь бѣглый очеркъ того, что мнѣ удалось лично видѣть и слышать. Да простятъ мнѣ недостатки системы въ изложеніи. Замѣченные мною пробѣлы и неточности я постараюсь исправить въ своихъ слѣдующихъ очеркахъ.

Мнѣ удалось впервые познакомиться съ Азіатскими евреями въ Тегеранѣ. Желая достать нѣкоторыя древности, я прибѣгъ къ содѣйствію еврея „дезяля“ (посредника). Во время нашихъ странствованій по базарамъ, онъ мнѣ разсказывалъ легенды мѣстныхъ евреевъ, увѣряя, что его предки принадлежатъ къ кореннымъ жителямъ Персіи; при этомъ, въ видѣ доказательства, указывалъ на то, что въ еврейскихъ селеніяхъ у потухшаго вулкана Демавенда (на пути изъ Тегерана къ Каспійскому морю) есть развалины дворцовъ, сооруженныхъ евреями во время вавилонскаго плѣненія. Я оспаривалъ столь сомнительную легенду и доказывалъ, что большинство оставшихся въ странѣ евреевъ слились съ мѣстнымъ населеніемъ; на это мой собесѣдникъ, соглашаясь, что Эзра и Неемія вывели обратно въ Палестину вѣхъ сохранившихъ вѣру отцовъ, однако утверждалъ, что это относилось только до живущихъ около Вавилона; евреи-же, жившіе далеко отъ Вавилона, остались на прежнихъ мѣстахъ. Это же преданіе я слышалъ отъ Кирманханскихъ и другихъ евреевъ изъ Персіи. Впослѣдствіи мнѣ удалось убѣдиться, что евреи, живущіе въ глухихъ мѣстахъ Персіи, имѣютъ весьма слабое представленіе даже о разрушеніи Іерусалимскаго храма Титомъ. Это, конечно, еще не основаніе для признанія циркулирующихъ легендъ, такъ какъ евреи приняли языкъ и внѣшніе обычаи персовъ и могли забыть свою исторію. Персидскіе евреи вообще мало свѣдуши въ дѣлахъ еврейской исторіи и религіи. Между ними немного такихъ, которые умѣютъ читать по еврейски. Изученіе древне-еврейскаго языка и Писанія осталось лишь достояніемъ духовенства.

Общее число коренныхъ персидскихъ евреевъ не превосходитъ сорока тысячъ.

Средне-Азіатскіе евреи, съ которыми мнѣ впервые удалось познакомиться въ Асхабадѣ, тоже говорятъ на полуперсидскомъ жаргонѣ и усвоили себѣ обычаи своихъ персидскихъ единовѣрцевъ, съ тою лишь разницею, что первые носятъ одежду персидскаго покроя, а вторые одѣваются въ цвѣтные бухарскіе халаты.

Мнѣ удалось больше наблюдать послѣднихъ, о которыхъ я и буду преимущественно писать.

Какъ въ Персіи, такъ и въ Средней Азии, трудно съ точностью опредѣлить время перваго поселенія евреевъ; большинство изъ нихъ и здѣсь отличается невѣжествомъ и старается

причислить себя къ древнимъ жителямъ страны. По преданіямъ, въ Ахаль-текинскомъ оазисѣ около Анау (отъ котораго уцѣлѣла лишь мечеть въ 15 верстахъ отъ Асхабада) существовали цѣлыя селенія евреевъ; тѣснимые туркменами, евреи выселились въ Нухуръ и съ теченіемъ времени приняли у болѣе сильныхъ сосѣдей языкъ, обычаи и самое главное — религію.

Какъ у большинства притѣсняемыхъ, у нихъ осталось стремленіе превращать свое имущество въ удобоносимыя и удобо-скрываемыя цѣнности. Какъ болѣе развитые, они стремились къ болѣе легкимъ и прибыльнымъ занятіямъ. Торговля, требовавшая извѣстнаго напряженія ума, была имъ по сердцу.

Не смотря на примѣсь тюркской и иранской крови, въ нихъ можно замѣтить слѣды еврейскаго типа. Мнѣ удалось подмѣтить у нѣкоторыхъ молодыхъ нухурцевъ характерный для евреевъ складъ губъ и характерную игру мышцъ, окружающихъ ротъ, столь удачно подмѣченные Генрихомъ Гейне. По пути въ Мешхедъ я неоднократно встрѣчалъ у мусульманъ характерную еврейскую улыбку. Это все таки уже ому-сульманившиеся евреи, законченные приверженцы ислама. Въ Хороссанѣ-же можно наблюдать самый процессъ ому-сульманиванія мѣстныхъ евреевъ. Но надо вспомнить печальную участь, постигшую ихъ въ концѣ XVIII вѣка. Надо замѣтить, что какъ въ Европѣ религіозныя подозрѣнія приурочиваются къ еврейской Пасхѣ, такъ въ мусульманскихъ странахъ преслѣдованія евреевъ связываются съ праздникомъ Эсеири и Мардохея, который совпадаетъ иногда со священнымъ для мусульманъ мѣсяцемъ Мухаремомъ. У туземныхъ евреевъ существовалъ обычай въ день Эсеири дѣлать чучело Амана и подвергать его насмѣшливымъ манипуляціямъ и въ заключеніе сожженію. Однажды, въ концѣ XVIII, вѣка гуламы Имамъ-Ризы (слуги и духовенство мечети того-же имени), усмотрѣвъ въ этомъ издѣвательство надъ имамомъ Алиемъ, котораго столь чтутъ шииты, натравили на евреевъ чернь, всегда готовую присвоить себѣ еврейскія сбереженія. Народъ бросился грабить еврейскій кварталъ, при этомъ не щадили никого; уцѣлѣли лишь тѣ, которые приняли исламъ; эти съ перваго момента получили права гражданства и были названы джадидами (новыми), т. е. вновь обращенными. По преданію, ихъ число доходило до десяти тысячъ. Въ настоящее время оно уменьшилось болѣе чѣмъ на половину.

Очевидно, что часть эмигрировала и слилась съ туземнымъ населеніемъ.

Я близко зналъ трехъ джадидовъ: Агаджанова въ Душакѣ (на Закаспійской желѣзной дорогѣ) Исаакова и Измайлова въ Мервѣ; они жили долго среди туркменъ еще до прихода русскихъ; съ приходомъ-же послѣднихъ они съумѣли сблизиться съ новыми завоевателями и даже русифицировали свои фамиліи. Отъ нихъ я многое узналъ о джадидахъ. По внѣшности это совсѣмъ мусульмане. Ихъ персидскій жаргонъ и костюмъ населенія, среди котораго они жили, указываетъ на то, что они какъ бы совсѣмъ асимилировались. Между тѣмъ они остались евреями. Джадида это — азіатскіе марраны.

Во внутренней жизни они отличаются патриархальностью и замкнутостью. Стараясь, для спасенія тѣла, ничѣмъ не отли-

чатся отъ шитовъ, они продолжаютъ заботиться о духовномъ своемъ благѣ по старому, исполняя по возможности предписанія Моисея. Нелишними остроумія отговорками они успѣшно обманываютъ бдительность мусульманъ и, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, покровительствуютъ своимъ несчастнымъ единоплеменникамъ, чѣмъ тоже напоминаютъ испанскихъ маррановъ. Въ Мешхедѣ они занимаютъ особый кварталъ, при своихъ оборотахъ они стараются вести дѣло на общинныхъ началахъ, отличаются выдающеюся честностью и чистотою нравовъ и особенно крайнею довѣрчивостью; не допускаютъ мысли, чтобы кто нибудь могъ злоупотребить оказаннымъ ему довѣріемъ. Мнѣ было поручено тогда еще мало меня знавшимъ купцомъ Исааковымъ передать, безъ всякой росписки, при моемъ отъѣздѣ изъ Мерва въ Мешхедъ, жестянку, наполненную червонцами; другой джадидъ, Измаиловъ, далъ мнѣ при моемъ отъѣздѣ изъ Мерва въ Асхабадъ пакетъ съ четырьмя тысячами для мѣнялы Абу-Талиба. Они продолжаютъ вести крупныя дѣла на слово, хотя нерѣдко платились за свою излишнюю довѣрчивость. — Я приписывалъ оказанное мнѣ довѣріе моему мундиру русскаго офицера. Но мнѣ потомъ пришлось убѣдиться, что довѣрчивость у джаидовъ — основная черта характера; вѣроломство имъ незнакомо.

Для взаимной переписки они употребляютъ упрощенный алфавитъ, отличающійся отъ алфавита европейскихъ евреевъ.

Для духовныхъ требъ джаиды пользуются еврейскими книгами, привозимыми въ настоящее время изъ Россіи; прежде же пользовались рукописями. Благодаря малочисленности образованныхъ людей, старыя рукописи составляютъ теперь большую рѣдкость. Избѣгая употреблять пищу совместно съ мусульманами, они имѣютъ своихъ рѣзаковъ. Эта специальность не получила особаго развитія, потому что производить открыто убой скота по еврейскимъ предписаніямъ мусульмане ихъ не допустили бы, и потому каждый самъ для себя рѣзалъ скотину.

Многіе изъ джаидовъ и теперь смѣло берутся за эту сложную операцію. Игнорируя многія тонкости, знаніе которыхъ обязательно для еврейскаго рѣзака въ Европѣ, они, однако, имѣютъ представленіе о свойствѣ мяса; не различая многихъ частныхъ формъ болѣзней скота по внутренностямъ, они многое бракують, какъ недозволенное.

Духовныя лица у джаидовъ извѣстны подъ именемъ хахамовъ, но джаиды, живущіе вдоль закаспійской желѣзной дороги, называютъ таковыхъ раббэ и раввинами. Последнее слѣдуетъ отнести къ вліянію ново-поселившихся здѣсь русскихъ евреевъ.

Мешхедскіе джаиды неоднократно указывали мнѣ на свое превосходство надъ остальными единовѣрцами. Нѣкоторые джаидскія семьи ведутъ свой родъ отъ еврейскаго племени, существовавшаго при Сасанидахъ въ государствѣ Маръ-Зутры.

Имѣя довольно смутное представленіе о священныхъ книгахъ евреевъ, они старались блеснуть передо мною своими познаніями. Одинъ „ученый“ джаидъ, разсуждая о школахъ Гилеля и Шемаи, пресерьезно увѣрялъ меня, что если „галаха“ создана въ Иерусалимѣ, то гагады и мидрашъ, ставшіе достояніемъ евреевъ, разрабатывались не безъ участія ихъ, джаидовъ, предковъ. По ихъ преданію, предки ихъ поддерживали связь между хазарами, индійскими евреями и Хабе-шомъ, т. е. Абисинією.

Несмотря на нелѣпость многихъ джаидскихъ легендъ, въ нихъ видно стремленіе покрѣпче связать свое прошлое съ

общееврейскою исторією; особенно интересны легенды относящіяся къ Палестинѣ. По словамъ джаидовъ, Самарія и Идумея составляли часть провинціи, подчинившейся Сирійскому легату, а Иерусалимскіе прокураторы, хотя и жили въ Цезарей, внесли чуждую культуру въ еврейскую аристократію. Тоже самое совершалось въ Средней Азіи, съ тою только разницею, что масса подпала персидскому вліянію сильнѣе не по своей малочисленности, а въ виду преобладанія тауматурговъ *) надъ націоналистами-зелотами. Прокураторы колоніи Маркъ Амбивій, Анній Губъ и Валерій Гратъ, какъ извѣстно, старались ограничить власть Синедріона; не только они, но и трибунъ Иерусалимской когорты, всячески старались притѣснять наиболѣе энергичныхъ патріотовъ, которые эмигрировали въ сосѣднія страны; къ этому времени туземные евреи относятъ появленіе проповѣдниковъ іудейства среди Абиссинцевъ и Хазаровъ. Неудачное возстаніе евреевъ при Титѣ, исторія Баркохбы и проч. дали Средне-Азіатскимъ евреямъ новыхъ руководителей, но духовному развитію народа суждено было погибнуть съ водвореніемъ ислама. Изъ гражданъ они мало-по-малу превратились въ терпимыхъ, лишь въ силу необходимости, паріевъ. Ихъ выселяли въ особые кварталы, обязали носить специальную одежду, запретили ѣздить на лошадяхъ и проч...

Благодаря этимъ притѣсненіямъ, угрожавшимъ самой жизни евреевъ, многіе изъ нихъ выселились въ Бухару, Самаркандъ, Гератъ, Ташкентъ, Кашгаръ и другіе города съ менѣе фанатичнымъ населеніемъ. Общее число коренныхъ бухарскихъ евреевъ не превосходитъ тридцати тысячъ. Главными центрами служатъ Бухара, Керменъ и Гиссаръ. Изъ послѣдняго многіе евреи выселились въ Дюшамбэ, Дѣнау и другія окрестныя мѣстечки, такъ что въ самомъ Гиссарѣ осталось не болѣе двадцати пяти семействъ.

Кромѣ упомянутыхъ городовъ, туземные евреи встрѣчаются и въ другихъ городахъ Бухары, Средней Азіи и Китайскаго Туркестана; всѣ они говорятъ на персидскомъ жаргонѣ, усвоили одежду туземцевъ, среди которыхъ живутъ. Отличаясь бѣдностью и невѣжествомъ, они менѣе гордятся своимъ прошлымъ и склонны подпасть вліянію русскихъ евреевъ, при помощи которыхъ значительно поднялось благосостояніе въ Бухарѣ.

Благодаря этому, среди нихъ еще труднѣе отдѣлать коренныя легенды отъ занесенныхъ впоследствии розсказней. Законы о пищѣ не соблюдались особенно строго, но, — какъ у джаидовъ, — каждый рѣзалъ для себя скотъ. Такимъ образомъ искусство рѣзаковъ и здѣсь было довольно популярно, специалисты-же этого дѣла выдѣлились уже впоследствии.

Мнѣ удалось однажды слышать не лишенный интереса разсказъ, что „френкскій“ (вѣроятно испанскій) министръ Хасдай (ибнъ-Шапрутъ) переписывался съ ихъ предками при помощи условнаго алфавита, изобрѣтеннаго Симономъ (сыномъ Гиллеля) отцомъ Гамалиила. Легенды о Иерусалимскомъ храмѣ, въ средней Азіи, болѣе опредѣленны, чѣмъ у евреевъ подножія Демавенда. Но за то нѣкоторые приписываютъ Саади-Гаону изрѣченія его персидскаго тезки.

Я не беру на себя смѣлость подвергнуть научной критикѣ все слышанное. Какъ иновѣрецъ, я, кажется, не могъ разсчитывать на особое довѣріе по религіознымъ вопросамъ и при своей малой подготовкѣ съ трудомъ отличалъ измышленія восточной фантазіи отъ имѣющей цѣну легенды.

Все нивелирующая цивилизація скоро изгладитъ послѣд-

*) Проповѣдниковъ непротівленія.

ніе слѣды обособленности Средне-Азіатскихъ евреевъ, и вмѣстѣ съ этимъ пропадетъ навсегда ключъ къ рѣшенію многихъ загадокъ.

Прошу всѣхъ, которые вѣрятъ, какъ и я, въ будущность еврейства, подѣлиться свѣдѣніями о евреяхъ, забытыхъ въ глухихъ уголкахъ Азіи.

Баронъ Ник. фонъ-деръ-Ховенъ.

Странствующие (всемирныя) сказки въ древне-раввинской письменности *).

IV.

Левъ и Журавль.

Въ мидрашѣ раббо кн. 1, гл. 64 (агадическомъ сборникѣ VI с.) приводится басня „Левъ и Журавль“ въ связи съ историческимъ происхожденіемъ ея, являющаяся пересказомъ извѣстной басни Эзопа „Волкъ и Журавль“, переложенной Крыловымъ. Разница между греческимъ первообразомъ и его еврейскимъ пересказомъ, кромѣ незначительнаго измѣненія въ дѣйствующихъ лицахъ, — замѣны волка хищникомъ южныхъ странъ, — львомъ, — выражена въ тенденціи: въ Эзоповской баснѣ характеризуется коварство и неблагодарность **); мораль же мидрашеской басни та, что опасно и бесполезно предъявлять какія бы то ни было претензіи злымъ и коварнымъ людямъ, когда они оставляютъ насъ въ покоѣ, чтобы чего добраго, еще не накликать на себя бѣду.

Эта мидрашеская басня, которая приведена ниже, помимо своего общелитературнаго значенія, своею моралью, характеристикой, а также какъ и параллель, — представляетъ еще и глубокий интересъ своимъ удачнымъ примѣненіемъ къ извѣстному историческому событію, т. е. историческимъ происхожденіемъ своимъ.

Историческое происхожденіе, какъ и значеніе этой басни, по свидѣтельству сказаннаго агадическаго сборника, слѣдующее:

„Во времена рабби Йосуи бенъ Хананіо ***) римскій императоръ Адріанъ разрѣшилъ евреямъ отстроить храмъ (спустя нѣкоторое время послѣ разрушенія II храма). Радости еврейскаго народа по поводу этой милости не было конца. Евреи учредили по всему пути отъ Ако до Антіохіи, подъ завѣдываніемъ благородныхъ братьевъ Папуса и Луліаноса (извѣстныхъ впоследствии подъ названіемъ Лудійскихъ мучениковъ), нѣсколько переселенческихъ станцій (?), гдѣ снабжали деньгами и всѣмъ необходимымъ переселенцевъ, направлявшихся отовсюду въ Іерусалимъ, и собирали громадныя суммы (денегъ) золотомъ и серебромъ, предназначенныя на возстановленіе (?) (реставрацію) храма. Подъемъ духа былъ необычайный. Но, вслѣдствіе козней исконныхъ враговъ еврей-

скаго народа — идумейцевъ (куситовъ), Адріанъ въ самую рѣшительную минуту народнаго движенія и увлеченія, чтобы въ приличной формѣ взять назадъ свои слова, придумалъ слѣдующую хитрость (по совѣту тѣхъ же коварныхъ куситовъ). Потребовалъ онъ отъ евреевъ измѣненія размѣровъ или мѣста храма, зная заранее, что евреи никоимъ образомъ не согласятся на подобное условіе, такъ какъ, по преданію, храмъ долженъ быть отстроенъ на томъ же мѣстѣ и по тому плану, т. е. въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и раньше. Когда роковая вѣсть дошла до евреевъ, то ими овладѣло отчаяніе и скорбь, такъ что (многіе) разразились плачемъ. Возмущенные коварнымъ поступкомъ императора, они взяли за оружіе и, собравшись въ бетъ-риманской долинѣ, рѣшились возстать поголовно какъ одинъ человѣкъ противъ ненавистныхъ римлянъ...

Лучшіе же люди изъ евреевъ, принадлежавшіе къ партіи мира, желая удержать своихъ собратій отъ гибельнаго и безумнаго возстанія противъ всемогущихъ римлянъ, по совѣщаніи между собою, послали рабби Йосую бенъ Хананіо къ возбужденному народу успокоить его расходившіяся страсти.

Недаромъ выборъ палъ на рабби Йосую бенъ Хананіо, такъ какъ онъ, помимо своей завидной популярности ученаго мужа и человѣка благороднѣйшей души, былъ еще прекраснымъ ораторомъ, въ особенности умѣвшимъ изъясняться съ народомъ мѣткими и удачными сравненіями и притчами.

И дѣйствительно, ему удалось успокоить народъ слѣдующею баснею:

„Левъ, терзая добычу, подавился костью. Вотъ онъ обѣщаетъ большую награду тому, кто спасетъ его, вытащитъ кость. Явился (спасителемъ) журавль. Запустилъ онъ свой длинный носъ (въ пасть льву), вытащилъ кость и сталъ просить обѣщанной награды. „Ступай прочь“, — сказалъ левъ, — довольствуйся тѣмъ, что ты благополучно запустилъ голову въ львиную пасть и благополучно вытащилъ ее обратно“.

„Такъ обстоитъ дѣло и съ нами, — продолжалъ р. Йосую бенъ Хананіо: — мы должны довольствоваться тѣмъ, что сей народъ (римляне) оставляетъ насъ хоть въ покоѣ!“ (Мидрашъ рабботъ Берешитъ, гл. 64).

Этою то баснею онъ мѣтко охарактеризовалъ отношенія римлянъ къ евреямъ и указалъ между прочимъ, какъ должны держаться евреи въ отношеніи къ своимъ властелинамъ, чтобы не быть совсѣмъ уничтоженными послѣдними — держаться въ сторонѣ и удовольствоваться тѣмъ, что ихъ (евреевъ) оставляютъ въ покоѣ.

Это и есть мораль басни.

V.

Лисица и виноградъ.

(Параллель).

Въ мидрашѣ рабба (Когелетъ 5. 21) встрѣчаемъ басню о „Лисицѣ и виноградникѣ“, въ высшей степени интересную какъ по идеѣ, такъ и по элегическому тону своему, которая съ одной стороны хотя и является отчасти подражаніемъ извѣстной баснѣ Эзопа — „Лисица и виноградъ“ *), но съ другой стороны ничего общаго съ нею не имѣетъ, какъ увидимъ ниже.

*) Голодная лисица замѣтила свѣсившійся съ лозы гроздь винограда и хотѣла было достать его, но, какъ ни старалась, все напрасно. Ушла она и говоритъ: „Онъ еще не дозрѣлъ“. (Избран. басни Эзопа, перев. съ греч. В. Алексѣева, изд. Суворина, стр. 54).

*) См. „Будущность“ № 4 и 15.

**) „Коварный человѣкъ однимъ лишь можетъ заплатить своему благодѣтелю за то, что тотъ спасъ его отъ опасности, — оставить его въ покоѣ“ (Мораль басни Эзопа. — Избр. бас. Эзопа, перев. съ греч. В. Алексѣева).

***) Танна 1 с., ученикъ рабби Йоханана бенъ Закаи, вмѣстѣ съ нимъ спасшійся изъ осажденнаго Іерусалима... былъ членомъ синедріона въ Ямніи, въ которомъ занималъ должность верховнаго судьи (Авъ-бетъ-Динъ) при патриархѣ р. Гамліелѣ II. Его свѣтское образованіе дало ему возможность защищать интересы своего народа по смерти рабби Йоханана. Онъ ходатайствовалъ о евреяхъ у Доминиціана, ѣздилъ въ Александрію къ императору Адріану (Мировоззрѣніе талмудистовъ sub vocem). За свое умѣніе изъясняться съ народомъ мѣткими притчами его смѣло можно назвать еврейскимъ Менелеемъ Агриппою.

О средне-азиатскихъ еврейяхъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

II *).

Какъ я уже говорилъ, среди туземныхъ евреевъ замѣтно сильное стремленіе, съ одной стороны—причислять себя къ древнимъ обитателямъ страны, съ другой стороны—связать свое прошлое съ всеобщей исторіею еврейскаго народа. А потому я приведу еще нѣкоторые мѣстные рассказы, связанные съ далекимъ прошлымъ. Гератскій еврей Моисей Наухи мнѣ рассказывалъ, что по преданіямъ послѣдній (номинальный) Иудейскій царь (Агриппа?) скрылся отъ преслѣдованія (Гессія Флора?) въ Сирію, а оттуда пробрался въ Персію, гдѣ и сформировалъ отрядъ, пришедшій на помощь Іерусалиму. Вѣроятно же въ дѣйствительности дѣло обстояло нѣсколько иначе. Извѣстно, что Ананій и Іосифъ Флавій призвали къ оружію всѣхъ евреевъ и образовали вооруженную силу въ 200,000 человѣкъ; извѣстна также печальная участь, которая постигла храбрыхъ защитниковъ крѣпостей Габары, Иотанаты и самого Іерусалима; возможно, что нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ пробрались въ смежную Ливію и Персію, а затѣмъ вновь приняли дѣятельное участіе въ возстаніи Баръ-Кохбы; потерпѣвъ и тутъ неудачу, они все-таки сохраняли память о послѣдней попыткѣ къ самооборонѣ, такъ какъ съ этого момента ихъ исторія всецѣло связана съ чуждыми имъ народами.

Ахмедъ-Ель-Балазури въ своемъ сочиненіи „Завоеваніе странъ мусульманами“ говоритъ, что Аиръ, вступивъ въ Палестину, донесъ Абу-Бекру, что туземцы (евреи)—„люди мужественные и испытанные въ бояхъ“. Въ пригородѣ Газы (въ Дасингѣ) наравнѣ съ войсками сражались и мѣстные жители евреи. По словамъ Абу-Хафса весь Хиджасъ былъ покоренъ легче, чѣмъ Палестина. Мусульмане этого не забыли и при дальнѣйшемъ завоевательномъ движеніи мстили евреямъ за неумѣстную храбрость ихъ родичей.

Какъ извѣстно, арабы въ первое время обращали всѣхъ покоренныхъ въ исламъ, а потому иновѣрцы могли удержаться только въ трудно доступныхъ мѣстахъ или въ странахъ съ сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ они облагались, за круговую поруку, специальнымъ налогомъ, такъ сказать, за право жизни. Евреи, какъ элементъ чуждый и мусульманамъ, и христіанамъ, и слишкомъ малочисленный, чтобы образовать самостоятельныя общины, были вынуждены эмигрировать въ глубь Азіи. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ еврейскія поселенія только въ горахъ, а еврейскіе кварталы лишь въ городахъ Средней Азіи, гдѣ евреи, въ виду отсутствія людей, способныхъ вести торговые сношенія съ сосѣдями, являлись терпимыми въ силу необходимости.

Средне-азиатскіе евреи весьма легко усвоили родственныи имъ арабскій языкъ (до сего времени сохранили особенное гортанное произношеніе и нѣкоторые арабскіе термины). Съ того момента, какъ древне-еврейская цивилизація и языкъ получили права гражданства въ новомъ халифатѣ, евреи мало-по-малу усвоили себѣ и этотъ языкъ и съ внѣшней стороны слились съ туземцами, а потому ихъ дальнѣйшая исторія можетъ быть разсматриваема лишь совмѣстно съ исто-

ріею Средней Азіи. Мы посвятимъ этому вопросу особую главу.

Перехожу къ современному быту евреевъ въ Средней Азіи.

Общее число средне-азиатскихъ евреевъ, проживающихъ въ предѣлахъ бухарскаго ханства и Хивы, не превышаетъ тридцати тысячъ, число же проживающихъ въ русскихъ владѣніяхъ, т. е. въ Закаспійской области и въ губерніяхъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, будетъ въ точности извѣстно только послѣ окончательной разработки данныхъ по послѣдней народной переписи. Во всякомъ случаѣ, всѣхъ евреевъ, говорящихъ на персидскомъ жаргонѣ, не болѣе ста тысячъ. Громадное большинство ихъ занимается торговлею съ Россіею. Еще за долго до покоренія средне-азиатскихъ ханствъ бухарскіе евреи привозили черезъ Оренбургъ, а персидскіе черезъ Астрахань, въ Нижній-Новгородъ произведенія дальняго востока. Киргизы и туркмены цѣнили въ нихъ ловкихъ посредниковъ, а потому не только не грабили, но даже оказывали имъ извѣстное покровительство. За всю свою службу въ средней Азіи мнѣ ни разу не пришлось услышать отъ туземцевъ и малѣйшаго намека на циркулирующую среди христіанской черни басню о мнимыхъ ритуальныхъ убійствахъ.

Въ то время, т. е. до покоренія туркменовъ, когда ни одинъ шитъ не смѣлъ появляться за Атрекомъ иначе какъ съ веревкою на шеѣ, евреи свободно разѣзжали по средней Азіи изъ конца въ конецъ, въ самыхъ глухихъ уголкахъ они имѣли своихъ кліентовъ, которые ждали ихъ пріѣзда, чтобы продать ковры и шерсть или чтобы черезъ ихъ посредство пріобрѣсти русскіе и персидскіе предметы необходимые для кочевниковъ. Черезъ посредство этихъ же евреевъ персы и даже приграничные уральскіе и оренбургскіе казаки узнавали о судьбѣ своихъ плѣнныхъ и проданныхъ въ рабство родственниковъ. Они же служили посредниками при выкупѣ и даже иногда при побѣгѣ послѣднихъ.

Съ улучшеніемъ путей сообщеній увеличилось число средне-азиатскихъ евреевъ, посѣщающихъ Россію. При своей способности къ усвоенію культуры они раньше другихъ ознакомились съ русскимъ языкомъ и охотно прибавляютъ къ своимъ фамиліямъ русскія окончанія.

Крупныхъ торговцевъ среди средне-азиатскихъ евреевъ мало; большинство ихъ, при маломъ капиталѣ, иногда лишь въ двѣ-три тысячи наличными, ведутъ обороты на десятки тысячъ. Продавъ товаръ (шерсть, каракуль и проч.) въ Нижнемъ, евреи закупаютъ мануфактуру. Они увеличиваютъ изъ года въ годъ свой оборотъ. Вынужденный кредитоваться и „переписывать“ векселя, еврей скоро дѣлается неоплатнымъ должникомъ русскаго фабриканта, который, не стѣсняясь, уговариваетъ его взять на придачу заваль—количество побольше, цѣною подешевле. Трудно торговцу устоять отъ соблазна расширить свое дѣло въ кредитъ; въ результатѣ покупается иногда вдвое противъ ранѣе составленной смѣты; при этомъ слѣдуетъ добавить, что товаръ упаковывается не всегда достаточно тщательно, и по пріѣздѣ на мѣсто средне-азиатскій покупатель принужденъ въ свою очередь стараться сбыть купленный такимъ образомъ товаръ мелкимъ торговцамъ на базарѣ, дѣлая уступки и особенно снисхожденія насчетъ сроковъ расплаты.

Принимая въ соображеніе слабую покупательную способность обѣднѣвшихъ туземцевъ, легко понять, что базарный торговецъ, въ свою очередь, долженъ стараться сбыть возможно скорѣе полученный такимъ образомъ товаръ, и въ мѣстахъ, гдѣ развита спекуляція хлопкомъ, евреи продаютъ часто въ ущербъ дѣлу и въ убытокъ себѣ полученный въ кредитъ то-

*) См. „Будущность“, № 23.

варь и стараются наверстать убытки, спекулируя на хлопкѣ. Но и тутъ болѣе мелкіе спекулянты обращаются въ простыхъ скупщиковъ для болѣе крупныхъ фирмъ. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла трудно мечтать о поднятіи общаго благосостоянія среднеазиатскихъ евреевъ. Между тѣмъ фабриканты давно успѣли опѣнить ихъ сметливость, энергію и честность; не только москвичи, но и многіе крупные торговцы изъ мусульманъ предпочитаютъ имѣть дѣло съ евреями, чѣмъ съ своими единовѣрцами, такъ какъ первые болѣе аккуратны и расторопны. Для примѣра сошлюсь на бухарскихъ купцовъ Мирсалехова, Покатова и др.

Во время моей службы въ Средней Азійи мервскіе еврей торговцы принесли мнѣ однажды жалобу, что они терпятъ большой убытокъ отъ провоза чаю и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ контрабанднымъ путемъ. При этомъ я замѣтилъ интересную черту—отвращеніе къ доносамъ. Понимая всю трудность поимки въ степи контрабандистовъ, я просилъ ихъ сдѣлать нѣкоторыя указанія и помочь мнѣ поймать провозителей и торговцевъ, приносящихъ вредъ; но жалобщики наотрѣзъ отказались, говоря, что они могутъ установить фактъ, но никогда не будутъ доносчиками. Сказавшій мнѣ это былъ мѣнялою по профессіи и ставилъ свою репутацію безусловно честнаго человѣка выше всего. Эта же честность и послужила, между прочимъ, къ его обогащенію при обстоятельствахъ, напоминающихъ исторію Ротшильдовъ. Одинъ изъ Текинскихъ хановъ далъ на сохраненіе его брату передъ походомъ въ Геокъ-Тепе, безъ всякой росписки, сто персидскихъ тумановъ. Ханъ не вернулся, а еврей, получившій деньги, былъ убитъ. Не смотря на это, оставшійся въ живыхъ братъ вернулъ все наслѣдникамъ, которые даже не знали о существованіи этихъ денегъ. Съ этой поры, понятно, число вкладовъ увеличилось, и честный мѣняла обратился въ маленькаго банкира.

Помимо торговли средне-азиатскіе евреи не чужды садоводству. Вездѣ, гдѣ представляется возможность, они разводятъ виноградные и фруктовые сады. Около Бухары и около Ходжента я видѣлъ евреевъ, занимающихся шелководствомъ (воспитаніемъ шелковичныхъ червей).

Ремесла также не чужды средне-азиатскимъ евреямъ, среди которыхъ не мало ткачей, портныхъ, шапошниковъ и проч. Кромѣ этого я видѣлъ на базарѣ въ старой Бухарѣ прекрасныя серебряныя и мѣдныя издѣлія еврейской работы. Къ сожалѣнію, благодаря отсутствію хорошихъ образцовъ, эти предметы представляли изъ себя странную смѣсь мѣстнаго стиля съ русскимъ. Последнее указываетъ на преимущественную способность немногочисленныхъ еврейскихъ мастеровъ усваивать всякія нововведенія и принаровливаться къ требованіямъ рынка.

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ предыдущемъ очеркѣ, грамотность весьма слабо распространена среди средне-азиатскихъ евреевъ. Посѣщеніе туземныхъ школъ, содержимыхъ мусульманскимъ духовенствомъ, было немыслимо для слабыхъ физически и малочисленныхъ еврейскихъ дѣтей. Помимо фанатизма духовенства, не допускавшаго ихъ прикоснуться къ освященнымъ книгамъ (а въ мусульманской школѣ свѣтскихъ книгъ, за исключеніемъ персидскихъ поэтовъ, не имѣется), несчастныя дѣти не могутъ отдѣлаться отъ незаслуженныхъ насмѣшекъ своихъ сотоварищей. Поэтому мѣстные евреи должны обучаться у своихъ учителей. Не касаясь нераціональнаго способа обученія, принятаго въ этихъ школахъ, слѣдуетъ замѣтить, что приобрѣтенная тамъ упорнымъ трудомъ мудрость оказывается въ жизни мало примѣ-

нимой. Русскія и даже русско-татарскія школы тоже не совсѣмъ подходящи для еврейскихъ дѣтей, такъ какъ имъ приходится тратить много времени на изученіе чуждаго имъ языка, на которомъ ведется преподаваніе. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ евреямъ трудно приобрѣтать даже необходимыя для торговли познанія. Тѣмъ не менѣе, грамотность среди нихъ стала за последнее время распространяться. Достойно вниманія, что многіе евреи выучиваются читать даже по русски самоучкою, и надо удивляться тѣмъ изъ нихъ, которые сѣмѣли приобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ еврейской исторіи.

Баронъ Ник. фонъ-деръ-Ховенъ.

Шолемъ-музыкантъ.

(Эскизъ).

(Посвящается Я. Э.)

(Окончаніе *).

Припоминается Шолему знакомая картина.

Засидѣвшись гдѣ-то на свадьбѣ, онъ уже далеко за полночь возвращается домой. Онъ спѣшитъ. Ему жутко одному ходить темною ночью къ ихъ домику, на самый конецъ Угнетаевки. Но еще страшнѣе становится ему въ ожиданіи наказанія отъ строгаго отца. Робко, крадучись какъ воръ, пробирается Шолемъ по ихъ грязному дворику. Но вотъ уже и сѣни... вотъ и дверь въ комнату... Маленькое сердце его такъ и бьется, какъ будто выпрыгнуть хочетъ. Дрожащими руками онъ тихо, чуть слышно, скрипнетъ дверью и замираетъ въ ожиданіи... Скрипнетъ немного сильнѣе... Но, чу! Шолемъ холодѣетъ весь: изъ комнаты доносится удушливый кашель, ворчливая ругань и шлепанье босыхъ ногъ. Дверь жалобно скрипнула на своихъ петляхъ и отворилась. Шолемъ хочетъ прошмыгнуть мимо отца, но сухіе пальцы Хаима нервно и больно сжимаютъ уши провинившагося сына.

— А, это ты, „шейгецъ!“ — кричитъ Хаимъ, задыхаясь отъ волненія. — Опять всю ночь на свадьбахъ провелъ?! Музыкантомъ ты у меня будешь? Я тебя проучу, я тебѣ покажу, какъ съ музыкантами возиться! На, вотъ тебѣ музыка!..

И въ низкой комнатѣ глухо раздается пощечина, отъ которой въ глазахъ бѣднаго мальчика зарыбило въ глазахъ и завертѣлись огненные круги.

Но Шолемъ не плачетъ. Онъ и самъ сознаетъ свою вину. Очень хорошо понимаетъ онъ, что порядочные мальчишки такъ не поступаютъ, что ему, сыну почтеннаго меламеда-Хаима, не пристойно бѣгать за музыкантами. Онъ тихо пробирается къ своей постели въ углу комнаты, на полу, и безшумно опускается на нее. Онъ набожно вполголоса читаетъ молитву на сонъ грядущій.

Ругаясь и кашляя, добирается и старый Хаимъ до своей постели, за перегородкой.

Между тѣмъ пробуждается отъ шума и мать Шолема. Она то набрасывается на сына за то, что онъ не оправдываетъ ихъ родительской завѣтной мечты сдѣлаться „ламданомъ“, то начинаетъ упрекать мужа въ томъ, что тотъ недостаточно строгъ къ сыну, что мало слѣдитъ за его поведеніемъ и слишкомъ много воли ему даетъ.

— Я-ли не слѣжу за нимъ!? — какъ бы оправдываясь, го-

*) См. № 25 „Будущности“.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Средне-азиатскіе евреи.

(Путевыя замѣтки).

III *).

Въ прошлыхъ двухъ статьяхъ я далъ краткій общій очеркъ прошлаго и настоящаго азіатскихъ евреевъ. Теперь же я постараюсь обрисовать картину ихъ частной жизни съ момента рожденія до смерти.

Если гнѣздо помогаетъ опредѣлить особенности птицы, то жилище человѣка тѣсно связано со всѣмъ его бытомъ.

Мягкій климатъ Средней Азіи даетъ человѣку возможность проводить большую часть времени на воздухѣ. И дѣйствительно, жилище туземнаго еврея представляетъ, строго говоря, лишь мѣсто для ночлега. Строится домъ обыкновенно изъ сырца-кирпича, окнами на внутренній дворъ или въ садикъ. Величина и убранство варьируются, конечно, въ зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія, но даже сравнительно богатые евреи, чтобы не искушать правовѣрныхъ, избѣгаютъ выставлѣть на видъ все могущее вселить зависть.

Внутренность дома дѣлится на двѣ половины: внутреннее помѣщеніе для семьи и пріемную; послѣдняя служитъ одновременно столовою, гостинною, мѣстомъ ночлега гостей, а подчасъ и модельною. На полу разостланы ковры и кошмы; вокругъ комнаты на особой притолкѣ стоятъ наиболѣе цѣнные предметы домашнего обихода; среди комнаты устраивается особое углубленіе, въ которое въ зимнее время насыпаются горячіе угли. Въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Керлингѣ и нѣкоторыхъ городахъ имѣются самодѣльные деревянные кровати съ веревочною сѣткою, стулья и даже столы. Отличительная особенность послѣднихъ—малая устойчивость—замѣчалась мною даже у евреевъ, бывавшихъ въ Россіи; это характеризуетъ до нѣкоторой степени равнодушіе къ комфорту.

Женской половины я никогда не видалъ, но, судя по описаніямъ, она отличается большею роскошью, такъ какъ туда издавна прятались отъ нескромнаго глаза мусульманскаго чиновника всѣ предметы, могущіе ввести его въ искушеніе. Мужское населеніе, проводитъ весь день на базарѣ и въ лавкахъ.

Магазинъ туземныхъ евреевъ представляетъ изъ себя деревянный ящикъ величиною часто не болѣе кубической сажени; къ внутренней стѣнкѣ положены другъ на дружку штуки матеріи; впереди сидитъ, поджавши ноги, самъ хозяинъ и терпѣливо поджидаетъ покупателей. Послѣдніе, не придавая особенной цѣны времени, усаживаются тутъ же передъ купомъ и, перебравъ половину его незатѣйливаго магазина, начинаютъ приторговывать избранную вещь. Обѣ стороны, съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, отстаиваютъ свои интересы; несмотря на то, что купцы на предметы домашнего обихода сравнительно мало запрашиваютъ, торгъ иногда затягивается на часъ и болѣе. Въ особенности это бываетъ въ базарные дни на временныхъ базарахъ, которые замѣняютъ для туземцевъ клубъ.

Такой способъ торговли представляетъ конечно большія неудобства въ особенности для продавца. Туземные евреи, чтобы не нарушать этикета и не наживать себѣ враговъ, угощаютъ, въ лавкѣ чаемъ наиболѣе почетныхъ покупателей, пре-

доставляя остальнымъ рыться и разсматривать товаръ. Съ заходомъ солнца все бережно складывается на мѣсто, лавка запирается тоненькимъ щитомъ и оставляется подъ покровительствомъ неба и рѣдкихъ тутъ сторожей до слѣдующаго утра.

Впрочемъ, съ просвѣщеніемъ появились и любители обогащаться, не прибѣгая къ разорительнымъ покупкамъ. Но маленькія лавченки среднеазиатскихъ евреевъ продолжаютъ конкурировать съ магазинами европейскаго образца. Причиной этого является необыкновенная нетребовательность туземцевъ. Лавки мастеровыхъ тоже значительно отличаются отъ мастерскихъ европейскихъ евреевъ. Все производится тутъ же на базарѣ хозяиномъ, при помощи нѣсколькихъ мальчишекъ или подмастерья. Готовыя вещи развѣшиваются по стѣнамъ рядомъ съ сырымъ матеріаломъ. При приходѣ покупателя хозяинъ-мастеръ прерываетъ работу и начинаетъ вести дипломатическіе переговоры, стараясь угадать, дѣйствительно-ли покупатель хочетъ пріобрѣсти вещь или только пришелъ пошататься на базаръ.

При появленіи на базарѣ лицъ, власть имущихъ, лучшія вещи обыкновенно прячутся, дабы не вводить въ соблазнъ хозяйственный глазъ азіатскаго начальства, имѣющаго обыкновеніе брать съ собою „образчики товаровъ“ изъ еврейскихъ лавокъ. Такіе систематическіе поборы, продолжающіеся цѣлые вѣка, мѣшали евреямъ, какъ я уже говорилъ, пріобрѣсти значительное благосостояніе.

Бѣдность и постоянный страхъ за свое имущество и даже за жизнь, развили въ нихъ еще болѣе чѣмъ въ европейскихъ евреяхъ способность принаровливаться къ обстоятельствамъ. Многіе обряды уцѣлѣли, только благодаря упорству стариковъ, или вѣрнѣе, старухъ, которыя, не имѣя даже книгъ, умѣли передавать изъ поколѣнія въ поколѣніе преданія старины.

Средне-азиатскіе евреи относятся съ большою любовью и уваженіемъ къ своимъ подругамъ, оберегая ихъ отъ посторонняго глаза обращаются съ ними мягко и заставляютъ своихъ женщинъ трудиться только передъ торжественными событіями, въ обыкновенное же время въ обеспеченныхъ семействахъ на еврейку возлагается главнымъ образомъ забота одѣтыхъ. Безплодіе—величайшее несчастье, а рожденіе сына—величайшее счастье. Женщина, ожидающая прибавленія семейства, окружается особымъ попеченіемъ. Ея подруги и родственницы другъ передъ другомъ соперничаютъ въ придумываніи наивѣрнѣйшихъ чаръ и заклинаній (вѣроятно, неизвѣстныхъ европейскимъ евреямъ) надъ родильницею; около дверей, оконъ и даже противъ щелей вѣшаются кусочки бумаги или пергамента съ именами небожителей. Какъ въ прежнія времена, и теперь у нѣкоторыхъ выписываются псалмы (кажется 121); я не могъ собрать точныхъ объясненій этого обычая, но, повидимому, онъ имѣетъ что то общее съ древнимъ заклинаніемъ Ормузда и Оримана, вѣчно борющихся добра и зла.

Визитеры являются съ поздравленіями, и ихъ угощаютъ въ продолженіи восьми дней.

Мнѣ рассказывали, что мѣстныя бабки—весьма искусныя воспріемницы и вызываютъ особымъ массажемъ и надуваніемъ кожи у колѣнъ выходъ послѣда. Если бы и не потребовалось ея услугъ, бабка остается до первой пятницы послѣ рожденія мальчика, при рожденіи же дѣвочки уходитъ раньше. На обязанности-же бабки лежитъ приготовленіе ребенка къ

*) Первые главы напечатаны въ „Будущности“, №№ 23 и 26.

обрѣзанію, обряду, который исполняется здѣсь такимъ же образомъ, какъ и у европейскихъ евреевъ. Операторы подвергаются особому экзамену; избѣгаютъ брать лицъ съ слабымъ голосомъ и язвами во рту.

Для операторовъ и присутствующихъ на обрядѣ специально рѣжутъ барана; у богатыхъ торжество продолжается нѣсколько дней и отличается часто большимъ оживленіемъ чѣмъ свадьба.

Когда юноша подростетъ, то родители стараются ему подобрать подходящую невѣсту. Женятся очень рано, почти дѣтьми. Жениха приводятъ въ субботу въ молитвенный домъ въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, которые ему желаютъ многія лѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай бросать въ него фисташки, миндаль, винныя ягоды, которые онъ оставляетъ въ пользу присутствующихъ тутъ же дѣтей. Затѣмъ все идутъ въ домъ родителей жениха, гдѣ накрытъ столъ, уставленный сластями, или прямо на полу разостлана скатерть, вокругъ которой гости садятся и пьютъ чай.

Вечеромъ приглашаются мѣстные барды и плясуны.

Для присутствующихъ рѣжется баранъ, и послѣ ужина пріѣхавшіе издалека располагаются спать въ той же столовой. У богатыхъ угощеніе продолжается нѣсколько дней и гостямъ дарится на память платокъ со сластями, а иногда даже посуда, но это дѣлается обыкновенно послѣ свадьбы. Затѣмъ пишется кетуба, т. е. брачный договоръ. При этомъ жена даритъ мужу поясъ и бѣлую рубашку, сплошную, съ прорѣзомъ для головы и застежкой на плечахъ. Затѣмъ шаферъ говоритъ на распѣвъ стихотвореніе, вѣрнѣе—оду, въ честь жениха, послѣдній отвѣчаетъ импровизаціею, а при недостаткѣ поэтическаго вдохновенія—прямо слезами.

Въ это время невѣсту расчесываютъ ей замужнія родственницы и подруги; обыкновенно все женщины при этомъ горько плачутъ. Является женихъ и, не глядя на невѣсту, покрываетъ ей голову поясомъ, который она ему подарила, и ведетъ ее въ молитвенный домъ. Здѣсь послѣ молитвъ, прочтенныхъ надъ чашею, изъ которой пьютъ новобрачные, читается брачный актъ, послѣ чего женихъ передаетъ невѣстѣ тенгу или кракъ говоря: „черезъ это ты дѣлаешься по закону Моисея и Израиля моею женою“. Въ нѣкоторыхъ городахъ Средней Азіи женихъ послѣ этого бьетъ каблукомъ по поставленному на землю стакану и затѣмъ, выпивъ нѣсколько глотковъ изъ чаши, отводитъ жену въ свои внутренніе покои. До слѣдующаго утра молодые соблюдаютъ постъ, а около полудня получаютъ супъ изъ курицы. Вечеромъ торжественно празднуется свадьба.

Для наблюденія за столомъ назначается особый распорядитель, который приглашаетъ садиться, наблюдаетъ за омовеніемъ рукъ, разламываніемъ хлѣба, правильнымъ размѣщеніемъ всехъ по чину; онъ же собираетъ подъ конецъ пиршества для новобрачныхъ подарки, взаимныя которыхъ присутствующіе получаютъ со стола сласти, завернутыя въ платки служившіе имъ салфетками. Тосты и вообще малѣйшій шумъ отсутствуютъ на свадьбѣ, въ особенности избѣгаютъ говорить во время ѣды.

Супруги живутъ, обыкновенно, согласно. Случаи развода весьма рѣдки. Женщины показываются только близкимъ, развлекаются только между собою, и собранія бываютъ отдѣльными для каждаго пола. Мусульманки, навѣщающія евреекъ, требуютъ, чтобы во время ихъ визита мужа не было бы дома; и отвѣчаютъ имъ такою же своеобразною вѣжливостью. Въ общемъ можно сказать, что еврейки живутъ весьма замкнуто;

кромѣ праздниковъ и посѣщенія знакомыхъ, онѣ появляются на базарѣ только когда отправляются въ баню.

Послѣдняя, по образцу всехъ мусульманскихъ бань, устраивается въ землѣ и состоитъ изъ возвышенія для раздѣванія и небольшого бассейна, наполненнаго подогрѣваемою снизу проточною водою, которая обновляется изрѣдка изъ сосѣдняго арыка (оросительнаго канала). Въ нее то и погружаются, непременно съ головою, желающія совершить омовеніе. Въ заключеніе купальщицы обязаны выполоскать еще ротъ этою же водою. Баня прописывается не только какъ очищеніе, но и какъ лекарство отъ многихъ немощей. Въ ней же совершаютъ обрѣзаніе ногтей и ходыму (своеобразный восточный массажъ). Для совершенія того и другого имѣются особые специалисты, въ зависимости отъ пола пациентовъ.

Евреи въ Средней Азіи празднуютъ Новый годъ дважды: въ сентябрѣ и въ мартѣ; второй—день радости о возрожденіи природы. Въ глухихъ частяхъ Бухары евреи въ осенній Новый годъ не совершаютъ трубленія въ рогъ, обычнаго у европейскихъ евреевъ. Все ограничивается плачемъ, чтеніемъ 47-го псалма и десятидневнымъ покаяніемъ.

За то весенній Новый годъ (Нисанъ) празднуется съ особою торжественностью. Являясь національнымъ, а не религіознымъ праздникомъ, онъ одинаково чтится шейтами Персіи, сунитами Средней Азіи и туземными евреями, которые внесли въ него нѣкоторые обряды. Въ праздникъ Кушей все мужское населеніе съ перваго дня праздника выселяется за городъ, гдѣ въ палаткахъ за городомъ открывается временный базаръ. Торговля не идетъ особенно бойко, продаются преимущественно предметы первой необходимости. Впрочемъ, не только религіозныя предписанія заставляютъ ихъ выселиться на лоно природы,—средне-азиатскіе евреи вообще склонны проводить возможно болѣе времени на воздухѣ и поближе къ природѣ. Отличаясь живостью ума и мечтательностью, они тѣмъ не менѣе являются лишь зрителями всехъ новогоднихъ игръ мусульманъ, которые до сего времени сторонились при этомъ постороннихъ. Впрочемъ, нѣкоторые молодые евреи начинаютъ принимать участіе въ бѣгѣ на лошадахъ; вообще же все удовольствія и развлечения на Новый годъ, кромѣ созерцанія борьбы и другихъ зрѣлищъ, сводились къ посѣщенію другъ друга. Для встрѣчи гостей въ лучшей комнатѣ ставится столъ или разстилается на полу скатерть, на которую ставятся, въ зависимости отъ достатка хозяина, многочисленные подносы и блюдечки со сластями, затѣмъ пришедшимъ подается въ чашкахъ безъ ручекъ зеленый чай, а для русскихъ посѣтителей черный чай, называемый почему-то „памилі“. Вечеромъ, съ заходомъ солнца, подается шашлыкъ изъ только что зарѣзаннаго въ честь гостя барана или варится изъ риса съ бараномъ пилавъ и супъ, сильно приправленный перцемъ. Женщины не принимаютъ участія въ торжествѣ, на нихъ лежитъ лишь обязанность все приготовить для гостей мужа. Появляясь на базарахъ подъ чадру, они должны довольствоваться посѣщеніемъ другъ друга.

Даже въ молитвенные дома, въ которыхъ совершаются требы средне-азиатскихъ евреевъ, женщина не допускается.

При своеобразномъ взглядѣ на женщину вообще, послѣдней разрѣшается только проявлять свое горе. При смерти еврея все женщины, находящіяся въ домѣ, поднимаютъ не поддающійся никакому описанію плачъ, рвутъ на себѣ одежду, волосы, царапаютъ себѣ лицо, шею и грудь. Чѣмъ ужаснѣе проявленіе горя, тѣмъ сильнѣе уваженіе къ вдовѣ, которая такъ краснорѣчиво доказываетъ свою любовь. Впрочемъ, немудрено вдовѣ и отчаяться. Кромѣ потери любимаго человѣка несчастная теряетъ

также свое социальное положеніе и изъ полноправной хозяйки становится чѣмъ то вродѣ приживалки, такъ какъ, по обычаю, несмотря на патріархальность отношеній и уваженіе сыновей къ матери, первостепенная роль въ семьѣ переходитъ обыкновенно къ женѣ старшаго брата.

На этомъ я пока окончу свой краткій очеркъ, который я надѣюсь пополнить матеріаломъ по исторіи средне-азиатскихъ евреевъ.

Баронъ Ник. фонъ-деръ-Ховенъ.

Въ Іерусалимѣ.

Разсказъ И. Зангвиля.

(Съ англійскаго).

(Продолженіе *).

Однажды появился большой портретъ Виндерста. Живой Исаакъ!... Лія парила въ небесахъ.

Но вотъ неожиданность, сбросившая ее съ облаковъ. Этсельредъ Виндерстъ родился въ Бразиліи. Отецъ его—англійскій инженеръ, а мать испанская красавица, игравшая артистически на скрипкѣ. Образъ ея матери, играющей на скрипкѣ, въ своемъ смиренномъ парикѣ, вызвалъ горькую улыбку на губахъ Ліи.

Однако, больно ей было теперь оставить Этсельреда. Ей казалось, что она вторично теряетъ Исаака,—хотя тотчасъ она начала догадливо разсуждать, что парикъ и кафтанъ не особенно гармонируютъ съ біографіей великаго человѣка. Да наконецъ, въ прощальномъ письмѣ онъ формально отрекся отъ своихъ родителей и ему открытъ доступъ къ избранію родителей и друзей.

Она знала изъ множества прочитаннаго ею (чему причиной былъ Этсельредъ), что авторы появляются на сценѣ на первыхъ представленіяхъ ихъ пьесъ. Она пойдетъ на первое представленіе „Водоворота“ (это окончательное названіе пьесы). Привлекаютъ ее, конечно, не торжественность обстановки и не идея пьесы.

Подъ предлогомъ посѣтить въ Вестендѣ больную подругу, она отправилась за пріобрѣтеніемъ билета.

Достать удобное мѣсто, въ первомъ ряду галлерей, стоило ей нѣсколько часовъ ожиданія.

При развитіи пьесы она пала духомъ. Хотя она мало понимала изъ разговоровъ, происходившихъ на сценѣ, но ей казалось, что въ томъ высшемъ свѣтѣ, который выведенъ въ пьесѣ, невозможно присутствіе Исаака. Еще меньше можно допустить, чтобы его умъ, его духъ, его талантъ такъ мастерски распоряжались фешенебельными исполнителями въ нарядныхъ, ослѣпительно яркихъ гостинныхъ. А этотъ потокъ сатиры противъ евреевъ, старавшійся проникнуть въ публику, подкупая высшій свѣтъ, охладилъ Лію. Она поддавалась общему смѣху, но смѣхъ болѣе походилъ на истерическое раздраженіе.

Къ концу пьесы среди шумныхъ криковъ: „автора!“ вышелъ на сцену Исаакъ Левинскій во плоти, Исаакъ, превратившійся почти въ сказочнаго принца, съ такой же благородной фигурой, какъ многіе изъ героев его пьесы. Всѣ накопившіяся волненія нашли выходъ въ крикѣ рыданія, крикѣ радости. „Исаакъ!“ раздалось на весь театръ, и Лія застыла съ распростертыми черезъ барьеръ руками. Крикъ ея заглохъ въ аплодисментахъ залы.

IV.

Возвратившись домой, она поспѣшила написать ему по адресу театра. Первый конвертъ она разорвала, такъ какъ,

*) См. „Будущность“ № 35.

по старой памяти, ошибочно адресовала письмо Исааку Левинскому, а не мистеру Виндерсту. Ея письмо было изліяніемъ радости о томъ, что она нашла драгоценнаго своего Исаака, положеніемъ котораго она такъ гордилась. Кому могло сниться, писала она, что подмастерье-литографъ достигнетъ такого положенія, станетъ проводникомъ модныхъ идей въ средѣ ноблей и кровной аристократіи. Но она всегда вѣрила въ его талантъ. Она всегда дорожила портретомъ, который онъ срисовалъ съ нея, онъ и теперь находится въ конторѣ торговли мелкими товарами, владѣлецъ которой—ея мужъ (она уже замужемъ, они предполагали эмигрировать въ Америку). Онъ тоже женатъ, какъ она предполагаетъ, и уѣзжалъ въ Америку. Можетъ быть, онъ женился еще въ Англіи. Не позоветъ ли онъ ее? Хотя родители вычеркнули его изъ сердца своего, но она неоднократно слыхала, какъ мать произносила его имя. Она очень часто думаетъ о немъ. Можетъ быть, онъ позволитъ ей придти повидаться съ нимъ. Она явилась бы къ нему, когда этихъ важныхъ господъ у него не будетъ. Понятно, она не заикнется о его еврейскомъ происхожденіи и не будетъ отрицать Бразилію, какъ мѣсто его рожденія. Дальше она писала о состояніи родителей; отецъ пока, благодаря Бога, здоровъ и довольно крѣпокъ, но мать часто прихварываетъ. Надѣясь его скоро увидѣть, она остается его „любящая Лія“.

Она съ нетерпѣніемъ ждала его отвѣта. День уходилъ за днемъ, но извѣстія не было. Когда дни обратились въ недѣли, она начала терять надежду. Это было съ тѣхъ поръ, какъ „Водоворотъ“, по получаемымъ свѣдѣніямъ изъ газетныхъ объявленій, снятъ былъ съ репертуара, имѣвъ гораздо меньшій успѣхъ, чѣмъ можно было предполагать на первомъ представленіи. Она чувствовала, что на письмо ея не послѣдуетъ отвѣта.

А можетъ быть—письмо не дошло по адресу. Теперь не трудно найти адресъ квартиры Э. П. Виндерста. Она еще разъ написала ему.

Все тоже язвительное молчаніе. Послѣ мѣсячнаго ожиданія она вспомнила все, что онъ написалъ въ своемъ послѣднемъ древне-еврейскомъ письмѣ. Его рѣшеніе было окончательное, онъ разъ на всегда освободилъ себя отъ путающагося въ ногахъ длиннаго кафтана, и никогда ужъ не удастся увлечь его обратно. Она оплакивала теперь вторичную потерю.

Постоянныя думы о немъ воскресили въ памяти ея много нѣжныхъ дѣтскихъ образовъ, и ей казалось невѣроятнымъ, что она никогда не будетъ реально причастна къ его жизни. Она училась, читала, постоянно расширяла свой горизонтъ. Она продолжала слѣдить за его карьерой по газетамъ, восхищаясь его возвышеніемъ и слѣдя за развитіемъ его таланта. Она начала гордиться своимъ братомъ, говорила о немъ въ англійскихъ кружкахъ. Черезъ нѣкоторое время имя Виндерста стало извѣстно всѣмъ, кромѣ родителей Исаака. Еврейское гетто относилось къ Исааку Виндерсту съ тайнымъ восхищеніемъ, къ которому примѣшивалось и презрѣніе.

V.

Среди англичанъ Э. П. Виндерстъ вызывалъ тайное презрѣніе съ примѣсью восхищенія.

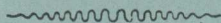
Онъ имѣлъ, правда, извѣстный успѣхъ, но за спиною его обзывали жидомъ. Онъ не достигъ полнаго матеріальнаго благополучія. Разнохарактерность его направленій не могла способствовать развитію одного таланта надъ другимъ. Онъ имѣлъ вначалѣ успѣхъ въ живисписи, изображая страстныхъ кар-

ОБОЗРѢНІЕ ПСИХІАТРІИ, НЕВРОЛОГІИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
посвященный неврологіи, невропатологіи, психіатріи, электротерапіи, хирургіи нервной
системы, гипнотизму, психологіи и уголовной антропологіи.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Академика **В. М. Бехтерева,**

Директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней
въ С.-Петербургѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание К. Л. РИККЕРА.
1900.

И въ томъ и въ другомъ изъ описанныхъ случаевъ психическій импульсъ къ рвотѣ и тошнотѣ возникаетъ непосредственно при соответствующихъ данныхъ условіяхъ и при извѣстномъ душевномъ волненіи, сопровождающемъ въ первомъ случаѣ выходъ артиста предъ публикой, во второмъ случаѣ выходъ больной къ знакомымъ или въ общественное мѣсто, напр. въ театръ. Очевидно, что болѣзненный импульсъ здѣсь происходитъ совершенно такимъ же образомъ, какъ при описанной мною и *Pitres'*омъ и *Regis'*омъ „боязни покраснѣть“: наступаетъ краска въ лицѣ подъ вліяніемъ испытываемаго больнымъ волненія въ тотъ моментъ, когда онъ, находясь въ обществѣ, служить предметомъ вниманія другихъ. Сходство здѣсь тѣмъ болѣе поразительно, что и навязчивая рвота или тошнота появляется въ сущности при тѣхъ же самыхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ и краснота лица при „боязни покраснѣть“.

Такимъ образомъ въ навязчивой рвотѣ мы имѣемъ другой примѣръ навязчиваго душевнаго состоянія, сопровождающагося двигательной реакціей со стороны гладкой мускулатуры тѣла неподчиненной нашей волѣ.

Интересно, что во второмъ изъ нашихъ случаевъ кромѣ приступовъ навязчивой тошноты и рвоты одновременно имѣлись другіе приступы навязчиваго состоянія, заканчивавшагося дѣйствіемъ кишечника. Такимъ образомъ очевидно, что и нижній отдѣлъ желудочно-кишечнаго канала можетъ проявлять свое дѣйствіе навязчивымъ образомъ въ сопровожденіи психическаго состоянія, выражающагося чувствомъ страха.

О половыхъ извращеніяхъ на Востокѣ.

Д-ра Барона Н. Н. фонъ-деръ Ховена.

Педерастія на Востокѣ есть своего рода потребность, вызванная замкнутостью и отчужденностью женщины, на Западѣ же это не болѣе какъ модная форма разврата или болѣзненное извращеніе полового чувства, трудно поддающееся леченію. Размѣры этого зла также весьма различны: на Западѣ ему предаются немногіе выродки, на Востокѣ же этотъ порокъ издавна приобрѣлъ права гражданства до такой степени, что въ средне-азиатскихъ ханствахъ мальчики-танцоры „бачи“ участвовали въ официальныхъ процессіяхъ. Существуетъ цѣлый отдѣлъ литературы, посвященный этимъ восточнымъ „жертвамъ общественнаго темперамента“, Саади и другіе поэты воспѣваютъ прелести славныхъ „бачей“ въ пламенныхъ стихотвореніяхъ. Напрасно правовѣрные мусульмане стремились искоренить это зло и принимали жестокія мѣры до казней включительно, порокъ всосался въ плоть и кровь и вызывался всѣмъ строемъ азіатской жизни.

Существуетъ анекдотъ, что одинъ „бача“, приговоренный къ смертной казни, обѣщалъ показать надишаху, какъ превращается пшеница въ чистое золото. Для этого требовалось только, чтобы поле было засѣяно человѣкомъ, „руки котораго не касались частей мальчика, расположенныхъ

ниже пояса“. И, увы, такого челоѣка не нашлось въ цѣломъ ханствѣ. Находчивый бача былъ прощенъ ¹⁾).

Исламъ, господствующая религія Востока, поработивъ и изгнавъ изъ общества женщину, не могъ уничтожить потребности въ кокетствѣ, болтовнѣ, флиртѣ и проч., проч., короче во всемъ, что даетъ женское общество. И вотъ, этотъ пробѣлъ былъ заполненъ молодыми мальчиками, создавшими цѣлый отдѣльный классъ „бачей“, вполне замѣнившій женщинъ-проституткоѣ.

Первоначально это были только танцоры и пѣвцы, безъ которыхъ не обходилось ни одно торжество, затѣмъ пылкая восточная фантазія увидѣла въ нихъ нѣчто болѣе и окружила ихъ тѣмъ почетомъ, о которомъ никогда не смѣетъ мечтать порабощенная обезличенная женщина Востока.

Бачи, эти проститутки востока, обучаются танцамъ, стихамъ, пѣнью, они красивы въ своей полуженской одеждѣ, кокетливы, остроумны. Они умѣютъ возбуждать чувственность пресыщеннаго женскими ласками богача, равно какъ и страсть бѣдняка, для котораго женщина недоступна по своей дороговизнѣ. Чѣмъ больше городъ, чѣмъ замкнутѣе женщина, тѣмъ болѣе властвуетъ „бача“.

Въ горахъ средней Азіи и у кочевниковъ, при извѣстной свободѣ женщины, „бачи“ рѣдкость, имѣющаяся лишь у избалованнаго богача-самодура; за то во всѣхъ городахъ Азіи, отъ береговъ Мраморнаго моря до Янтъ-се-Кіанга, мужской балетъ и уличные пѣвцы съ успѣхомъ исполняютъ роль нашихъ кафе-шантанныхъ красавицъ.

Однажды въ Бейрутѣ я посѣтилъ домъ „невинныхъ“ развлеченій и былъ страшно пораженъ, увидѣвъ рядомъ съ истасканными красавицами, преимущественно aus Riga und aus Varschau хорошенеккихъ мальчиковъ кавказцевъ. На мой возмущенный возгласъ, полупьяный турокъ прогрессистъ отвѣтилъ мнѣ: „ou il y a de l'higiène, il n'y a pas de plaisir“.

На эту тему завязался споръ, при чемъ молодежь увѣряла, что интересъ лишь запрещенный плодъ, раньше порокъ былъ скрытъ, но болѣе распространенъ, а теперь, когда онъ сталъ совершаться гласно, его районъ значительно сузился, въ особенности благодаря конкуренціи отъ наплыва легко доступныхъ европейскихъ искательницъ приключеній.

Я заинтересовался, изслѣдовать насколько противуестественный развратъ извратилъ половое чувство, но изъ распросовъ узналъ, что многіе закоренѣлые „баче-базы“ (играющіе съ мальчиками) переходятъ на кафе-

¹⁾ Этотъ рассказъ извѣстенъ въ нѣсколькихъ вариантахъ, въ одномъ изъ нихъ говорится, что одинъ правотѣрный мулла посѣлялъ чудесныя сѣмена, но ко всеобщему ужасу, вмѣсто золотыхъ колосцевъ выросли плевелы. Повелитель страны призвавъ „бачу“ указалъ ему на обманъ, но послѣдній преспокойно свалилъ вину на муллу, который продолжалъ клясться, „что никогда не касался частей мальчика ниже пояса“, тогда бача созналъ свою вину, сказавъ: „я забылъ повелитель тебѣ донести, что этотъ праведникъ, дабы не нарушить букву обѣщанія, еще на дняхъ связывалъ мнѣ передъ совокупленіемъ колѣна моимъ же поясомъ, аллахъ показалъ, кто изъ насъ болѣе виновентъ“.

шантанныхъ красавицъ, продолжая пренебрегать восточными гуріями. Мнѣ удалось подмѣтить это явленіе и въ средней Азіи. Въ Красноводскѣ и теперь живетъ богатый купецъ-персѣ П. Еще въ юности онъ покинулъ родину, чтобы искать счастья въ Закаспійскомъ краѣ. Первое время онъ при всемъ желаніи не могъ тамъ имѣть женщины и ему пришлось удовлетворяться мальчиками изъ собственной лавки. Потому это вошло въ привычку и страсть. Послѣ долгихъ лѣтъ, я его вновь встрѣтилъ, но уже съ одной пѣвичкой, которая покорила его сердце потому, что она была остроумна и танцевала лезгинку въ мужскомъ костюмѣ. Въ первое время ихъ связи онъ и обращался съ нею, какъ съ „бачей“, а современемъ началъ имѣть съ ней сношенія какъ съ женщиной и настолько привязался къ ней, что предлагалъ ей, по принятіи ислама, сдѣлать ее своей законной женой.

Большинство „бачей“ съ появленіемъ бороды, бросаютъ свой позорный промыселъ, такъ какъ спросъ на нихъ прекращается; бывшій „бача“ дѣлается почтеннымъ гражданиномъ, заводитъ семью и, нерѣдко, въ видѣ прибавки къ гарему, въ свою очередь обожаетъ „бачу“. Но у многихъ изъ нихъ сохраняется страсть къ позорному занятію, для удовлетворенія которой они нанимаютъ специальныхъ слугъ; эти слуги активной ролью въ сношеніяхъ съ господиномъ возбуждаютъ его желаніе, которое онъ удовлетворяетъ естественными и правильными сношеніями съ женщиной. Большинство бачей вербуются изъ дѣтей бѣдныхъ родителей, ихъ покупаютъ странствующие музыканты или богатые люди и обучаютъ танцамъ и пѣнію.

Читраль, Рустахъ, Дархъ и нѣкоторые другія селенія смотрятъ на это какъ на особый видъ отхожаго промысла.

Дѣти не сразу привыкаютъ къ своему ужасному ремеслу, большинству оно стоитъ многихъ слезъ и многихъ побоевъ. „Воспитатели“ развращаютъ ребенка особымъ массажемъ ягодицъ и постепенно расширяютъ задній проходъ введеніемъ различныхъ специальныхъ-же инструментовъ. Для уменьшенія болей отъ этихъ операций употребляется терьякъ (опіумъ) и другія снадобья. Мальчикъ, мало-по-малу, подъ вліяніемъ угрозъ, привыкаетъ къ мысли о своемъ будущемъ; большинство дѣлается вскорѣ терьякешами (курильщиками опія) или замѣняютъ опій бенгомъ, гашишемъ сквернаго качества и задолго еще до окончательнаго паденія не могутъ уже жить безъ этихъ алколоидовъ, нынѣ замѣняемыхъ нерѣдко алкоголемъ. Самый актъ развращенія совершается обыкновенно хозяиномъ-музыкантомъ, если онъ не имѣетъ случая выгодно продать свою жертву какому нибудь богатому любителю.

Отъ 12—16 лѣтъ бача въ славѣ; его ласкаютъ и задариваютъ, онъ одерживаетъ блестящія побѣды, отбиваетъ у соперниковъ поклонниковъ и т. д. Но его заработокъ попадаетъ цѣликомъ въ руки музыканта-сводника, если, конечно, какой нибудь богатый покровитель не выкупитъ его изъ неволи и не возьметъ на содержаніе. Съ появленіемъ бороды бача теряетъ всякую цѣну. Отвыкшій отъ труда, развращенный мальчишка для поддержанія выгодъ своего положенія соглашается даже на кастрацію.

Бываютъ случаи, когда это вызывается медицинскими соображеніями. Многіе бачи страдаютъ выпаденіемъ кишки, и увеличеніемъ предстательной железы отъ хроническаго ея воспаления. Железа увеличивается до того, что препятствуетъ мочеиспусканію. Туземные операторы случайно попали на способъ вызвать атрофію предстательной железы. Спасая жизнь и сохраняя на нѣкоторое время женственность манеръ и голоса, кастрація является послѣдней ступенію паденія. Бача, подвергшійся операціи скоро теряетъ всякую базарную цѣну. Балетъ никогда не отличался нравственностью и рѣдкій зритель довольствуется однимъ лицеизрѣніемъ красивыхъ танцоровъ, всѣ требуютъ болѣе существенныхъ услугъ. Если бача съ искусственною молодостью соглашается на эти услуги, любители вскорѣ разочаровываются, слухъ о поддѣлкѣ быстро распространяется по базару, и бача принуждена искать счастья въ другомъ городѣ. Переходя съ базара на базаръ несчастный кастратъ падаетъ все ниже и ниже и вскорѣ дѣлается достояніемъ «красноногихъ» т. е. босяковъ средне-азиатскихъ городовъ. Страдая отъ венерическихъ болѣзней, эти жалкіе подонки гибнутъ, доживая свой вѣкъ въ грязныхъ притонахъ, мечтая лишь о трубкѣ опиума, который послѣднее время началъ замѣняться водкой. Педерастія отразилась на сношеніяхъ съ женщинами, породивъ противуестественный развратъ, да и самыя проститутки часто бывали ученицами, а иногда и законными женами бывшихъ бачей. Эти мерзавцы, извѣстные подъ именемъ «ограшъ» и «курумсакъ», во многомъ соотвѣтствуютъ парижскимъ «souteneur'амъ».

Женившись на нѣсколькихъ красивыхъ бѣдныхъ дѣвушкахъ и выплативъ семейству ничтожный калымъ, спекулянтъ увозитъ женщинъ въ какой-нибудь средне-азиатскій центръ, учить ихъ танцамъ, въ которыхъ главную роль играютъ неприличныя движенія, и преподавъ ей всѣ тонкости восточнаго разврата, а зачастую, и заразивъ венерической болѣзнию, супругъ начинаетъ торговать своими женами. Я не стану описывать всѣхъ ужасовъ восточнаго разврата, то, что въ Парижѣ считается послѣднимъ крикомъ моды, уже давно было на Востокѣ.

Бываютъ случаи, что проститутки дѣлаются матерью и продаютъ въ свою очередь, своихъ дѣтей обоюго пола. Это вызвало нѣсколько характерныхъ судебныхъ процессовъ.

Въ настоящее время случаи зачатія бываютъ впрочемъ рѣдки; мѣстные жители мнѣ объясняли это тѣмъ, что теперь проститутками пользуются какъ мальчиками, прежде-же естественнымъ сношеніемъ предавались новички и русскіе, которые и были отцами незаконныхъ дѣтей.

Несмотря на то, что позоръ ихъ рожденія искупался выгодами спекуляціи этихъ несчастныхъ въ будущемъ, сводники иногда предпочитаютъ уничтожать это неудобство т. е. дѣторожденіе и, несмотря на восточный культъ дѣторожденія, прибѣгаютъ съ помощью мѣстныхъ знахарей къ самымъ возмутительнымъ операціямъ. Мнѣ лично удалось лишь однажды видѣть подобную жертву. Благодаря медицинско-полицейскому надзору, домогренные операторы могутъ теперь практиковать лишь изрѣдка въ мусульманскихъ государствахъ.

Одновременно съ педерастіею существуетъ развратъ съ домашними животными. Судебная статистика даетъ лишь слабый отблескъ современнаго состоянія противуестественнаго разврата въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Только просвѣщеніе и поднятіе общаго уровня восточной женщины окончательно ослабятъ педерастію. Это зло, кромѣ распространенія венерическихъ болѣзней, между прочимъ служить одной изъ главныхъ причинъ многихъ психическихъ болѣзней на почвѣ наследственнаго сифилиса и вырожденія.

Скрытая эпилепсія.

(къ судебно-психіатрической казуистикѣ).

Проф. В. Ф. Чижъ.

(Окончаніе ¹⁾).

И такъ изученіе настоящаго дѣла и наблюденіе надъ Яномъ К. приводитъ къ слѣдующему заключенію: нѣтъ безспорныхъ данныхъ считать его душевно-больнымъ; обстоятельства и обстановка преступленія, если, конечно признать доказаннымъ то, что выяснило судебное слѣдствіе, даютъ основаніе съ большой вѣроятностью предполагать, что преступленіе совершено въ состояніи душевной болѣзни, вѣроятнѣе всего въ эпилептическомъ припадкѣ. Все, что выяснено слѣдствіемъ относительно преступленія, подтверждаетъ такое предположеніе, потому что всѣ подробности въ высшей степени характерны для эпилепсіи. Слѣдствіе даетъ основаніе утверждать, что все содѣянное Яномъ К. не могло быть совершено здоровымъ, т. е. имѣются и положительныя доказательства, отрицающія возможность другого заключенія. Такъ какъ наблюденіе не доказало того, что Янъ К. страдаетъ душевной болѣзью, то въ виду доказаннаго умѣнья Яна К. ловко притворяться, предположеніе о болѣзненномъ состояніи К. въ ночь 14-го мая, можетъ быть признано наиболѣе вѣроятнымъ только въ томъ случаѣ, если будетъ признано вѣрнымъ добытое судебнымъ слѣдствіемъ, такъ какъ при отрицательныхъ результатахъ наблюденія Яна К. въ теченіе почти цѣлаго года сужденіе о состояніи его психическаго здоровья въ моментъ преступленія всецѣло основано на данныхъ судебного слѣдствія. 25 мая Янъ К. былъ выписанъ изъ клиники, и я препроводилъ въ судъ это мое заключеніе.

Я и теперь не могу упрекнуть себя за это заключеніе, въ которомъ я воздержался отъ какого-либо положительнаго сужденія, также не могу упрекнуть себя и за то, что не просилъ судъ продлить срокъ наблюденія Яна К. въ клиникѣ.

По моему глубокому убѣжденію, въ настоящемъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, наиболѣе цѣнный матеріалъ для сужденія о состояніи здоровья подсудимаго въ моментъ преступленія даетъ само „дѣло“. Полнѣе и живѣе изучается всякое судебное дѣло, въ судебномъ засѣданіи, почему я и находилъ необходимымъ для эксперта присутствовать въ судѣ при раз-

¹⁾ См. № 5.